

— Нет, ведь я вернул ему жизнь, пожертвовав столетней практикой, чтобы он смог преодолеть смертельный кризис и прожить ещё много лет.

— Разве ты не стремишься стать бессмертным? Разве утрата практики не повлияет на это?

— Повлияет. Придётся снова практиковать сто лет. Стать бессмертным и так нелегко, и во время отдачи долга можно погибнуть, тело и Путь уничтожатся. Многие тратят сотни и тысячи лет на это, и даже некоторые яо*, затянув слишком долго, забывают, зачем остаются в этом мире.

— А что будет, если забудут?

— Доживут до конца своего срока и умрут. Впрочем, этот срок по сравнению с человеческим очень долог. Но для яо смерть означает полное исчезновение. У людей есть следующая жизнь, а у яо — нет, и все яо с рождения знают об этом. Поэтому, если яо готов умереть ради человека, значит, он совсем спятил. Ведь жизнь человека бесконечна.

— Жизнь человека... бесконечна?

— Фэн, не пей так быстро, — Вэй Цяньян с раздражением смотрел, как Пэн Цзэфэн осушает одну рюмку за другой.

Чувство беспомощности было отвратительным.

— Со мной всё в порядке, — Пэн Цзэфэн не останавливался. Было непонятно, куда девается выпитое.

У Вэй Цяньяня голова шла кругом.

Пока он сопровождал Пэн Цзэфэна в туалет и ждал у двери, то позвонил Юй Фэну. — Сяо Фэн, ты не мог бы сейчас выйти?

— Что случилось? Я сейчас с невестой и нашими семьями, обсуждаем детали свадьбы. Ты давно не звонил, что-то не так?

— Э-э... — Вэй Цяньяню стало неловко. Он не хотел отвлекать Юй Фэна в такой момент — Пэн Цзэфэн, вероятно, думал так же.

— Если не срочно, я могу подъехать позже? — предложил Юй Фэн.

— Да ничего важного. Договоривай свои дела, я тогда отключусь, — сказал Вэй Цяньян и, не дожидаясь ответа, положил трубку.

И как мне его утешать, если он сам ничего не объясняет? А тот, кто знает больше всех, прийти не может!

Тем временем Юй Фэн почувствовал, что с Вэй Цяньянем что-то не то. Обычно, если кто-то из их компании не мог выйти, тот расстраивался, но потом, боясь, что друзья почувствуют вину, наоборот, принимался их утешать. Сейчас же он отрезал так резко — явно что-то стряслось.

Юй Фэн оглянулся на сидящих за спиной родных, но не решился сразу сбежать.

Наверное, не настолько важно?

— Ты только что звонил? Если дела есть — иди, я кого-нибудь ещё позову составить компанию,
— Пэн Цзэфэн был пока в сознании и мог побыть один.

— Нет. Да и как я тебя тут одного оставлю? — Вэй Цяньнянь обнял Пэн Цзэфэна за плечи и повёл обратно.

И снова он принялся наблюдать, как тот пьёт.

После того звонка Юй Фэн не находил себе места. Он рассеянно слушал, как родители с обеих сторон и невеста обсуждают планы и раскладывают варианты.

Беспокойство гнало его. Он достал телефон и проверил GPS-метку Пэн Цзэфэна. Это же... бар? Фэн в баре? Он же бросил пить. Неужели звонок Цяньняня как-то с этим связан?

Пэн Цзэфэн начал терять связность мысли. — Сяо Фэн женится... Чувство, будто овдовел. Но ничего, он всё равно здесь. А Сюй Юань умер... — Его больше нет.

Он вдруг вспомнил тот сон — точнее, дневник, который в том сне читал. Там описывались встречи автора с призраками, краткие выжимки из разных материалов и вывод: большинство людей перед смертью переживают нечто необычное — их преследуют привидения, они видят то, чего обычно не видят, или ведут себя непривычно, сами того не замечая... То, что вызывает всё это, можно назвать предсмертной аурой.

Сюй Юань что, заранее готовился к самоубийству? Или предвидел свою смерть? Поэтому его и преследовали все эти видения, поэтому он стал таким смиренным.

Он должен был это понять. И он знал, что тот сон важен. Почему же он не запомнил его как следует?

Или, если бы он не поддавался эмоциям, то смог бы заметить странности в поведении Сюй Юаня. Хотя бы то, что тот был психотерапевтом и всё это время просто вёл с ним игру.

— Если бы они увидели тебя таким, как бы им было больно, — сказал Вэй Цяньнянь. Не говоря уже о Юй Фэне и Сюй Юане, ему самому было тяжело смотреть. Такой Пэн Цзэфэн слишком сильно отличался от того, каким он его помнил.

Пэн Цзэфэн не ответил. Он уже ничего не слышал.

Вэй Цяньняню оставалось лишь молча смотреть на него.

Официант унёс несколько пустых бутылок и принёс новые, со льдом.

— Пэн Цзэфэн, ты с ума сошёл?! — Узнав, что Пэн Цзэфэн в баре, Юй Фэн не смог усидеть на месте. В конце концов он бросил распаленных обсуждением родных, поймал такси и примчался. Увидев его пьяным в стельку, он пришёл в ярость.

Вэй Цяньнянь вздрогнул от его грозного вида и поспешно заговорил:

— Успокойся! Эм... Фэн сказал, что Сюй Юань умер.

Юй Фэн уставился на него во все глаза. — Кто?

— Сюй Юань. Я и сам не знаю, кто это...

Лицо Юй Фэна побелело, на нём явственно читалась печаль.

Спустя долгое время он вздохнул. — Я отведу его домой.

Юй Фэн вызвал официанта, расплатился, а затем взвалил Пэн Цзэфэна на спину и понёс по улице. Тот не сопротивлялся и покорно лежал, прикинув к его спине.

На улице после дождя стояли лужи. Не успели они пройти и нескольких шагов, как проезжающая машина обдала их с ног до головы ледяной водой.

Юй Фэну вдруг стало невыносимо обидно. Глаза налились краской, и он прошептал:

— Пэн Цзэфэн, почему бы тебе не сказать «чтоб его»?

Он знал, что Пэн Цзэфэн в сознании, знал, что их только что обрызгали. Раньше тот как минимум буркнул бы «чтоб его», но сейчас лишь молчал.

Пэн Цзэфэн медленно моргнул. В его глазах по-прежнему не было жизни.

Оказывается, можно действительно онеметь от боли.

Чёрт возьми, зачем ты показываешь мне себя таким? Что мне делать?.. Юй Фэну захотелось швырнуть его на мостовую, а самому присесть рядом в полном отчаянии.

— Фэн, не будь таким, мне больно, — произнёс он и сам удивился, как изменился его голос — словно вот-вот сорвётся в плач.

— Сяо Фэн, не плачь.

Это была первая реакция Пэн Цзэфэна за весь вечер.

— Ах ты сволочь! Ты знаешь, как я волнуюсь? Знаешь, что я из-за тебя поссорился со всеми?..

— Говоря это, Юй Фэн с удивлением понял, что ему хочется смеяться, хотя слёзы уже подступали к глазам.

Ты даже не знаешь, какую гадость я сказал. Я заявил своей невесте: «Мне нужна жена, которая будет уважать меня и жить со мной в согласии, а не женщина, которая только и делает, что сомневается и ревнует. Может, в будущем я и полюблю тебя больше собственной жизни, ты станешь для меня самым важным. Но сейчас... сейчас ты действительно не можешь с ним сравниться». Чёрт, теперь точно не вернётся...

— Сяо Фэн, не плачь.

— Ты только и твердишь «не плачь», а сам почему плачешь на моих глазах? Ты же знаешь, я больше всего на свете не хочу видеть твоих слёз. Для меня ты — как вера. Ты всемогущ.

— И ты ещё очень противный. Что бы я ни изображал, как бы ни выглядел, ты всегда видишь, что я на самом деле чувствую. Даже когда я делаю вид, что смеюсь, ты говоришь «не плачь». До чего же ты надоедливый...

— Прости. Жди меня, — сказал Пэн Цзэфэн.

Он не мог позволить себе слабость. Он должен был стать сильным.

Прим. ред.: «яо» — духи/демоны в китайской мифологии, часто принимающие облик животных или растений.

Мама, папа:

Мне очень жаль, что я не смог вырасти хорошим человеком и быть с вами, пока вы стареете.

Я действительно не могу себя контролировать. Мне было очень тяжело изображать послушного сына — эта роль мне не подходит. Я от рождения антисоциальная личность, и, если честно, я вас презираю.

В вас слишком много человеческих пороков.

Конечно, я не отрицаю, что вы любите своего сына. Но я точно знаю: вы любите не меня, а свой идеал.

Я на самом деле не заслуживаю любви, потому что и сам вас не люблю.

Но я всё же благодарен вам за то, что отправили меня на лечение. Только благодаря этому я встретил того человека, и у вас на какое-то время появился послушный сын. Хех, но, наверное, это лишь добавило вам боли. Простите.

<http://bllate.org/book/16276/1465368>